

Научное приложение. Вып. CLXXXV

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Михаил Ямпольский

ИЗОБРАЖЕНИЕ

КУРС ЛЕКЦИЙ

МОСКВА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024

УДК 7.017
ББК 85.100,6
Я57

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научное приложение. Вып. CLXXXV

Ямпольский, М.

Я57 Изображение. Курс лекций / Михаил Ямпольский. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 424 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2253-1

Книга Михаила Ямпольского — запись курса лекций, прочитанного в Нью-Йоркском университете, а затем в несколько сокращенном виде повторенного в Москве в «Манеже». Курс предлагает широкий взгляд на проблему изображения в природе и культуре, понимаемого как фундаментальный антропологический феномен. Исследуется роль зрения в эволюции жизни, а затем в становлении человеческой культуры. Рассматривается возникновение изобразительного пространства, дифференциация фона и фигуры, смысл линии (в том числе в лабиринтных изображениях), ставится вопрос о возникновении формы как стабилизирующей значение тотальности. Особое внимание уделено физиологии зрения в связи со становлением изобразительного искусства, дифференциацией жанров западной живописи (пейзажа, натюрморта, портрета). Книга имеет мало аналогов по масштабу охвата материала и предназначена не только студентам и аспирантам, но и всем интересующимся антропологией зрения.

На обложке:
Рене Декарт. Иллюстрация из трактата
«Диоптрика», 1637

УДК 7.017 + 612.84
ББК 85.100,6 + 28.707.392.224

© М. Ямпольский, 2019

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019; 2024

СОДЕРЖАНИЕ

- От автора 5
- Лекция I 12
- Мир животного согласно Иксюлю. Информация и метастабильность. Чувства и эмоции у Уайтхеда. Изображение и античный атомизм: теория eidola. Обогащение и обеднение изображения у Бергсона. Изображение, нейтральный монизм и блокировка действия. Эндосимбиоз. «Правда» и «ложь» в биологических обменах информацией. Смысл как действие. «Мона Лиза». «Открытый смысл».*
- Лекция II 43
- О форме. От цвета к форме. Тотальность мира и тотальность Я. Внутреннее и внешнее, перцептивные знаки и перцептивные меты. Глаз и взгляд. Ocelli на крыльях бабочек. Фанерология Адольфа Портмана. Кембрийский взрыв. Внешнее отделяется от внутреннего. Разнообразие глаз.*
- Лекция III 69
- Реальность как хаос. Эксперименты Кёлера и с резиновой рукой. Отделение изображения от носителя. «Шедевр» Френхофера у Бальзака. Превращение хаоса в смысл. Фотографии Фредерика Соммера. Внутреннее и внешнее. Экран кожи как место интеграции внутреннего и внешнего (Анзё). Амодальное восприятие Стерна. «Я» как синтез систем. Человек — существо без сущности (Пико делла Мирандола и Хайдеггер). Человек как картинка. Изображение и интеграция систем. Устройство глаза. Видение контрастов и цвета. Система «где» и система «что». Улыбка Моны Лизы. Система центр/периферия.*
- Лекция IV 100
- О стыде. Макс Шелер: стыд как выражение переходов от индивидуального к всеобщему. Нагота и форма тела. Атлет становится богом. Ксоанон: столб становится антропоморфным. Форма и время. Форма и лицо. Физиогномика. Маска как истина и ложь. Анатомия и écorché. Ласко: неизобразимость человека. Леви-Стросс и Леруа-Гуран: первобытные изображения как язык. Шаманизм и лабиринты транса. «Art and Agency» Альфреда Гелла. Внешнее и внутреннее. Пойесис как обнаружение скрытого. Хайдеггер. Гепатоскопия. Хумбаба — лицо-внутренности. Синди Шерман и травма взгляда.*
- Лекция V 136
- Категориальная интуиция и присутствие. Идол и перенасыщенные феномены Мариона. Чрезмерное присутствие у Сартра и Лакана. Фас и профиль, нарратив и театр. Рефлексивная перформативность Виктора Тернера. Расколотая репрезентация. Горгона. Геральдика. Левинас: видимое и бесконечное. Пластическое и графическое. Образ тела Пауля Шильдера: неустойчивость поверхности. Пиктограммы и конструирование монстров как текста. Сборка фрагментов. Ар-брют и Геркулес Сегерс. «Черный квадрат» — расчистка пространства от форм. Одежда, сундуки, татуировки. Поверхность, знаки и археписьмо.*

Лекция VI 172

Templum — рамка и поверхность в небе. Небесный медиум: текст созвездий и погоды. Патогномика и физиогномика. Проблема гештальта. Классификация линий Тима Ингольда. Лабиринт как место трансформации линий из нити в след и наоборот. Колам. Субъект и трансформация письма. Поверхность в искусстве душевнобольных: сакральность и упорядочивание. Портрет и изображение субъекта. Платонизм и живопись Возрождения. Традиция «простого подражания» как антиплатонический тренд в Ренессансе. Варбург о Гирландайо.

Лекция VII 197

Daseinsform и Wirkungsform. Не-фотография Франсуа Ларюэля как уникальная материальность. Шлоссер: эстетика и стилистика. Стилистика и историзм. Устаревание нового. Готфрид Земпер и стилеобразующая роль технологии. «Аналогия стиля» Ханса Зедльмайра. Технологичность фотографии против субъектности. Воплощение. Лицо и гештальт. Эйзенштейн о Сяраку. Изображение и виртуальность: Жильбер Симондон. Виртуальность в экспериментах Альфреда Ярбуса и в работе Матисса. «Черный ящик» фотокамеры. Монарший портрет в практике легитимации власти.

Лекция VIII 218

Ранняя фотография и суммирование времени. Критика сходства. Виппер и отрицание сходства. Локк, Рид и проблема тождества личности. Индивидуализация и индивидуация. Забывание и идентичность человека. Визитные карточки Диздери. Архивирование мира. Социальные типологии. Карикатура. Исчезновение индивидуального в типе. Ломброзо и Галтон. Зандер и Шпенглер: физиогномика общества. «Человеческое лицо» Жоржа Батая. Кьеркегор и Ницше о монстрах. Индексальность и иконизм. Исчезающее сходство как эффект серийности. Кризис архивов и нейтральные портреты новой «радикальной этнографии». «Конец субъекта».

Лекция IX 257

Европейское понимание формы. Фон и выступание рельефа. Ритмос. Формула нафоса Аби Варбурга. Нимфы. Оптические иллюзии. «Торс Саттира». Фон. Изображение и голос. «Субъективные поверхности» Алоиза Ригля. Модуляция у Анри Мальдине. Византийский рельеф и появление «абсолютного пространства». Хора у Платона. Хора как принцип дифференциации. Римские рельефы и исчезновение фона. Выворачивание внешнего во внутреннее в античной культуре. Работа света в средневековых церквах. Мозаики. Витражи. Геология света и европейский живописный модернизм. Модуляция и аффекты.

Лекция X 288

Серая точка Пауля Клее. Точка у Флоренского и Кандинского. Мазок у Моне. Мазок, механизация живописи и субъективность. Переход модуляции от света к цвету. Матисс. Краски и красители. Бестелесные эффекты Делёза. Границы и пустота. Стойки и понятие формы. Пейзаж. Понятие природы и пространства у Канта. Курсава и отказ от пейзажности. «Мертвое пространство» пейзажа у Эрнста Блоха. Редуцированные зимние пейзажи: Гронский и Саврасов. Пейзажная схема Клода Лоррена. Зеркало Клода. Микросозерцатели пейзажа у ван Эйка и Рогира ван дер Вейдена. Пейзаж и окно. Карл Густав Карус и интеллектуальное созерцание. «Философия пейзажа» Зиммеля. Пейзаж и алтарная живопись. Метафора окна. Пейзаж и дистанцирование наблюдателя. Внешнее и внутреннее. Сезанн.

Лекция XI 330

*Рама и неподвижность точки зрения. Планоцентризм. Миф о происхождении живописи из тени у Плиния. Поверхность и объем в американском минимализме. Эбботт и Успенский. Идея четвертого измерения. Кант о *parerga*. Клод Файетт Брэгдон. «Искусство и объектность» Майкла Фрида. Контррельефы. Линия и идея. *Species intelligibilis*. Венера и аллегория Истины у Боттичелли как переход от чувственного к умозрительному. Заумь и язык в его связи с образами. «Глоссолалия» Андрея Белого. Звук, жест и пространство. Эвритмия. Рудольф Лабан и «кинесфера». Превращение акустического экспрессивного жеста в изобразительный по Вундту и Зеллинскому. Собираение пространства и язык: Тынянов и Хайдеггер. Икона пространственного генезиса у Белого. Кубизм и четвертое измерение. Теория иконописного пространства Льва Жегина. Динамика и обнаружение виртуального пространства. Пространство как генетическая машина. Динамические трансформации западноевропейской живописи. *Relat* Алексуа Мейнонга. Ритм. Интенсивность у Делёза. Глубина.*

Лекция XII 378

*Эстетическая форма как единство и тотальность. Монтаж как синтез у Эйзенштейна. Музей и не-место. Музей как коллекция шедевров и архив истории искусств. Антропология *supermodernity* Марка Оже против антропологии тотального человека. Хайдеггер и пространство как порождение места. Места памяти. Коллективная память. «Культ монументов» Алоиза Ригля. Батай: архитектура и власть. Не-место и *Sosein*. Вокзал у Хайдеггера и неопределенность. Номады Делёза и Гваттари. Скука и пустота. Исчезновение интереса: Кант. Эротика. «Олимпия» Мане. «Авиньонские девицы» Пикассо. Ассамбляжи искусственных тотальностей. Делёз о Прусте. Мане и трудности с лицом портретируемых. Эпоха аффективности. Аффект у Спинозы и Дамасио. Барт: два режима знаков. *Ripstint*. Провалы и забывания. Куратор как организатор аффектов.*

Указатель имен 413

ОТ АВТОРА

Книга, которую держит в руках читатель, для меня самого является неожиданностью. Она сделана на основе стенограммы курса лекций, которые я прочитал в два приема (зимой 2015-го и весной 2016-го) в Московском Манеже. Во время одного из моих визитов в Москву друзья поинтересовались, какой курс я читаю в Нью-Йоркском университете, где я работаю уже без малого четверть века. Я сказал, что читаю общий курс по изображению. И вскоре я получил предложение повторить его в Москве по-русски с тем, чтобы затем расшифровать стенограмму и опубликовать в виде книги. Это предложение меня заинтересовало. Так повелось, что каждый год я, как правило, читаю два новых курса. Толстые папки с конспектами и материалами занимают много метров в моем жилище и на работе. Лекционные курсы часто служат своего рода лабораторией. Некоторые идеи возникают во время подготовки курса, обкатываются со студентами и чаще всего с аспирантами. Так что я всегда рассматривал преподавание как важный аспект исследовательской работы. Но мысль опубликовать курс лекций никогда не приходила мне в голову.

Связано это с особенностями педагогики, которая предполагает сообщение фактов и теорий, полученных из вторых рук, элемент популярной интерпретации и, я бы даже сказал, безответственной свободы, которую каждый лектор позволяет себе в устном жанре. Одним словом, лекции — это не письменные тексты. Решение опубликовать этот университетский курс было обусловлено несколькими причинами. Основная из них — сама структура курса, который

рассматривает изображение как основополагающий аспект всего живого, как часть того, что сегодня называется биосемиотикой. Курс начинается с зарождения жизни и рассматривает участие изображений в эволюции жизни на Земле. Затем от биологии он движется к антропологии — то есть к проблемам изображения в древнейших и племенных культурах, а кончается он рассказом о западном изобразительном искусстве. Поскольку таких исторических и теоретических обзоров практически нет, мне показалось, что подобная перспектива может быть полезна студентам, аспирантам и даже сложившимся специалистам.

Одна из основных установок курса — это стремление уйти от замкнутого искусствоведческого дискурса, хотя искусствоведческие проблемы занимают в лекциях большое место. Более того, чем дальше я ухожу от биологии или этнографии, в которых я совсем не являюсь специалистом, тем более решительно я формулирую собственные взгляды на обсуждаемые проблемы. По мере разворачивания курса, и это легко заметит читатель, становится все более авторским.

Чем обусловлено для меня желание выйти за рамки искусствоведения? Несмотря на все попытки обновления, оно до сих пор в основном существует на перекрестке почтенных и влиятельных традиций. С одной стороны, оно насквозь пронизано платонизмом. Иными словами, оно мыслит в категориях замысла и его воплощения или идей и их проявления. Станным образом оно игнорирует анализ природы изображения, которое, как я пытаюсь показать, является посредником между человеком и его миром, тем необычным образованием, в котором линии и пятна, с одной стороны, способны имитировать формы мира, а с другой стороны, могут превращаться в знаки. Биологическая и антропологическая перспективы могут дать нам иное понимание природы изображения, чем искусствоведение. А игнорирование этой природы приводит к пробелам в рамках самих искусствоведческих интерпретаций.

В тех лекциях, где я описываю взаимодействие живых существ и мира, в который они включены и с которым составляют единство, я упоминаю о понятии coupling (сочленении,

спаривании). Понятие это выражает совместную адаптацию организма и среды, их синхронную эволюцию. В рамках такого нераздельного единства организма и среды возникает *значение* (meaning), которое буквально вырастает из установок организма, из его интересов, перцептивных схем, которые определяют его существование. Meaning — это то, что сочленяет мир и организм, продукт этого сочленения и его организатор. Именно здесь происходит переход от того, что мы называем «субъективностью», к «объективной реальности», если таковую можно вычленил из этого нерасторжимого сочленения. Нет сомнения, что многие картинки, изображения, видимости лучше всего анализировать именно в перспективе такого значения. Оно лучше всего кристаллизует дух современного витализма, когда изображение становится частью самораскрытия жизни в ее тесной связи со средой. Художник, создавая картину, как бы помещает ее между миром и своим сознанием, внешними предметами и внутренними «образами», восприятиями и памятью.

Coupling выводит нас за рамки категорий замысла и платонических прообразов, потому что располагается между восприятием и внешним миром. Но в действительности ситуация гораздо сложнее. И эта сложность легче схватывается через антропологический, чем через искусствоведческий подход. Жиль Делёз, которого я много раз упоминаю в этих лекциях, дополнил понятие значения понятием *смысла* (фр. sens). Смысл лежит совершенно вне сферы субъективности и не реализует себя в рамках связи сознания со средой. С точки зрения Делёза, он лучше всего проявляет себя в *событиях*: «Пересмотр платонизма означает, прежде всего и главным образом, замену сущностей на события как потоки сингулярностей»¹. События возникают на пересечении множества серий и потоков. Точки этих пересечений, где причинность, существующая внутри серии, ослабевает, Делёз называет «сингулярностями»: «От серии к серии какие-то сингулярные точки либо исчезают, либо разделяются, либо

---

¹ Жиль Делёз. Логика смысла. *Theatrum philosophicum*. М., Раритет; Екатеринбург, Деловая книга, 1998, с. 82.

меняют свою природу и функцию. В тот момент, когда две серии резонируют и коммуницируют, мы переходим от одного распределения к другому. То есть в тот момент, когда парадоксальный элемент пробегает серии, сингулярности смещаются, перераспределяются, трансформируются одна в другую и меняют состав. Хотя сингулярности — это настоящие события¹, они коммуницируют в одном и том же Событии, которое без конца перераспределяет их, тогда как их трансформации формируют *историю*. Пеги ясно понимал, что история и событие неотделимы от сингулярных точек: „У событий есть критические точки, так же как у температуры есть критические точки: точки плавления, замерзания, кипения, конденсации, коагуляции и кристаллизации. Внутри события есть даже состояния перенасыщения, которые осаждаются, кристаллизуются и устанавливаются только посредством введения фрагмента будущего события“². Смысл возникает из распределения серий и трансформаций, протекающих в сингулярностях. Смысл, таким образом, лежит вне субъективности, не задается восприятием. Впрочем, само зрительное восприятие, если рассмотреть его как сложную совокупность систем (серий), таких как периферическое и центральное зрение, аналитика детали и формы, контраста, связь зрения с моторикой и памятью и т. д., может пониматься как такого рода событие смысла. Эти аспекты я систематически подчеркиваю в своих лекциях.

В качестве примера события Делёз называет *битву*: «Битва потому и не является примером события среди других событий, а выступает, скорее, как Событие в его сущности, что она одновременно осуществляется многими способами, а каждый участник выхватывает в ее восприятии какой-то отличный от других аспект осуществления внутри ее изменчивого настоящего. <...> Кроме того, еще и сама битва парит над своим собственным полем, она нейтральна в отношении всех своих актуализаций во времени, нейтральна

---

¹ Русский перевод тут неточен и исправлен.

² Жиль Делёз. Логика смысла, с. 81. Делёз цитирует тут диалог Шарля Пеги «Клио».

и бесстрашна к победителям и побежденным, трусам и храбрцам; и оттого она — еще страшнее»¹.

Сознание участников битвы выхватывает лишь ее отдельные аспекты, но сама она «парит» над индивидуальными сознаниями как некий трансцендентальный план смысла, план, испещренный точками сингулярностей, в которых решается общая судьба битвы и ее смысловая конфигурация. Делёз специально подчеркивает автономность плана события и смысла по отношению к сознанию: «Сознание — ничто без синтеза объединения, но не существует синтеза объединения сознания без формы Я, без точки зрения Эго. Напротив, то, что не выступает ни как индивидуальное, ни как личное, — это излучения сингулярностей, поскольку они занимают бессознательную поверхность и обладают подвижностью, имманентной способностью само-воссоединения через номадическое распределение, которое радикально отличается от фиксированных и оседлых распределений как условий синтезов сознания. Сингулярности — это подлинные трансцендентальные события»².

Именно такого рода бессознательные поверхности, трансцендирующие индивидуальное сознание и оторванные от «формы Я», и являет нам племенное или неолитическое искусство. Я специально останавливаюсь в своих лекциях на проблеме конституирования поверхности, на отношении линии к поверхности, ее хрупкости, неустойчивости, провалах линии сквозь несущую поверхность в рамках практик шаманизма и т. д. Эта проблематика лежит совершенно в иной плоскости, чем платонизм или значение, производимое ситуацией «сочленения» организма и среды. Изображения тут перестают быть «видимостями», отсылающими к невидимым «сущностям», но становятся событиями. Именно событиями в делёзовском смысле представляются мне многие висящие в музеях картины.

Этот подход позволяет совершенно иначе взглянуть и на практику относительно развитого западного искусства.

---

¹ Там же, с. 141.

² Там же, с. 144. Перевод Я. Я. Свирского исправлен.

Я, например, показываю, каким образом развитие формы в западном искусстве опирается на явление модуляции (я позаимствовал это понятие у французского феноменолога Анри Мальдине), которое лежит в области такого рода «метастабильности» точек сингулярности на неустойчивых поверхностях. Но, пожалуй, самое любопытное в этой истории заключается как раз в том, что человеку недостаточно плана значения (*англ.* meaning), и он постоянно нуждается в плане смысла (*англ.* sense), который, согласно Делёзу, предындивидуален, досубъективен и совершенно нейтрален. Этот план трансцендирует любой аспект витализма и при этом оказывается совершенно необходимым для жизни человека. Можно предположить, что именно он позволяет создать дистанцию между организмом и средой, без которой невозможны речь и формирование внешних для сознания форм. Можно сказать, что этот трансцендентальный план позволяет осуществиться decoupling, расчленению сознания и мира, их автономизации.

Я полагаю, что искусство возникает на пересечении значений и смыслов, как репрезентирующая мир институция, в которой витальность органической связи с миром то устанавливается, то решительно разрывается. Одна из моих лекций посвящена феномену пейзажа в европейской живописи, основанного именно на непреодолимом отделении от среды. Пейзаж дается зрителю как нечто увиденное через окно, которое решительно отделяет наблюдателя от созерцаемого им мира и включает его в мир в режиме этого дистанцирования.

Вот, в двух словах, та перспектива, которую я избрал для себя при подготовке этого университетского курса. Когда мне прислали распечатки моих лекций, я легкомысленно полагал, что мне остается только слегка подредактировать текст. В действительности мне пришлось переписать его заново, хотя общая канва здесь полностью сохранена. Памятуя о том, что передо мной лекции, я гораздо менее тщательно снабжал текст сносками и примечаниями, ограничиваясь в основном лишь указаниями на источники цитат и не считая необходимым привлекать большой научный аппарат. Не могу не признаться, что первая в моей жизни работа над

книгой — лекционным курсом доставила мне изрядное удовольствие. Такой жанр позволял свободно двигаться между большими тематическими блоками и вообще обеспечивал тот соблазнительный уровень свободы, который редко достигается на бумаге. За доставленное мне удовольствие я хочу поблагодарить трех людей, без которых не было бы ни этих московских лекций, ни этой книги: Ларису Гринберг, куратора Объединения выставочных залов города Москвы, и двух сотрудников Манежа — Андрея Парщикова и Марию Немчину. Особая благодарность моему старому другу и издателю Ирине Прохоровой, в который раз приютившей мое детище в своем издательстве. И наконец, я должен выразить свою глубочайшую признательность редактору книги и тоже старому другу Сергею Зенкину, участие которого избавит читателей от изрядного количества авторских глупостей. Мне необыкновенно повезло иметь такого издателя и редактора. Ну и, конечно, особая благодарность моим терпеливым московским слушателям.

В заключение я должен предупредить читателя, что иллюстрации к книге по не зависящим от меня причинам не соответствуют моему замыслу. Многое из того, что я хотел показать читателям, в книгу не попало, а часть первоначальных изображений была заменена приблизительными эквивалентами.